

УДК 812.511.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285

**Этнические образы ханты и манси
в региональной художественной литературе**

Т. А. Сироткина

*Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Российская Федерация,
sirotkina71@mail.ru*

Н. В. Ганущак

*Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Российская Федерация,
ganuschack@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Одной из актуальных проблем современной филологической науки является исследование способов репрезентации образа народа в художественных текстах. Возникла даже отдельная область научных исследований – имагология, ставящая своей задачей анализ образов, в том числе этнических, в текстах разных дискурсов. При этом, по нашим наблюдениям, одни и те же этносы могут быть по-разному представлены в региональной и национальной литературе.

Цель: сопоставить образы обско-угорских народов в региональных художественных текстах русских и национальных авторов.

Материалы исследования: материалом для анализа послужили художественные произведения хантыйского писателя Еремея Айпина, русских писателей Алексея Иванова и Михаила Строганова, мансийского писателя Пантелеймона Чейметова.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования произведено сопоставление образов обско-угорских этносов в региональной художественной прозе, выявлены отличия в способах репрезентации образов данных народов в художественной картине мира. Сделан вывод о том, что образы обско-угорских этносов в русской и национальной литературе складываются из таких составляющих, как репрезентация внешнего вида представителей этноса, их культуры и традиций, особенностей вероисповедания, однако в творчестве русского писателя Алексея Иванова более четко прослеживается оппозиция «своё – чужое», даётся характеристика героя через призму «чужой» культуры.

Ключевые слова: манси, ханты, художественные тексты, Еремей Айпин, Алексей Иванов, Михаил Строганов, Пантелеймон Чейметов.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Север Западной Сибири: образы в разных типах дискурса»). Автор благодарит рецензентов настоящей статьи за уделённое время и высказанные пожелания.

Для цитирования: Сироткина Т. А., Ганущак Н. В. Этнические образы манси и русских в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 279–285.

Ethnic images of the Mansi and Khanty in regional fiction

T. A. Sirotkina

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
sirotkina71@mail.ru*

N. V. Ganushchak

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
ganuschack@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction. One of the relevant problems of modern philological science is the study of ways of representation of the image of people in artistic texts. There is a separate field of research – imagology, which aims to analyze images, including ethnic ones, in texts of various discourses. According to our observations, the same ethnic groups can be differently represented in the regional and national literature.

Objective: to compare the images of the Ob-Ugric people in the regional fictions of Russian and national authors.

Research materials: the fictions of the Khanty writer Yeremey Aipin, Russian writers Alexey Ivanov and Mikhail Stroganov, and the Mansi writer Panteleymon Cheymetov.

Results and scientific novelty. The result of the research is comparison of the images of the Ob-Ugric ethnic groups in the regional fictions. Differences in ways of representation of the people's images in the artistic picture of the world are revealed. It was concluded that the images of the Ob-Ugric ethnic groups in Russian and national literature consist of such components as the representation of appearance of representatives of the ethnic groups, their culture and traditions, peculiarities of religion. In the work of Russian writer Alexey Ivanov we see the opposition «us – them» and characteristic of a hero through the prism of «other» culture.

Key words: Mansi, Khanty, literary texts, Yeremey Aipin, Alexey Ivanov, Mikhail Stroganov, Panteleymon Cheymetov.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-412-86002 «The North of Western Siberia: Images in Different Types of Discourse»). The author expresses the gratitude to the reviewers of the article for their time and recommendations.

For citation: Sirotkina T. A., Ganushchak N. V. Ethnic images of the Mansi and Khanty in regional fiction // *Vestnik Yugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies*. 2019; 9 (2): 279–285.

Введение

Одной из актуальных проблем современной филологической науки является исследование способов репрезентации образа народа в художественных текстах. Возникла даже отдельная область научных исследований – имагология, ставящая своей задачей анализ образов, в том числе этнических, в текстах разных дискурсов. При этом, по нашим наблюдениям, одни и те же этносы могут быть по-разному представлены в региональной и национальной литературе.

В художественных произведениях региональных авторов ХМАО – Югры, особенно это касается исторической прозы, также отражаются образы народов, населяющих данную территорию (см. об этом, например [2]), осо-

бенности их быта, традиций, взаимоотношений с другими этносами. Цель настоящей статьи – сопоставить образы обско-угорских народов в региональных художественных текстах русских и национальных авторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что описание этнических образов в художественном тексте углубляет представление о категории этничности (см. о ней подробнее в [7]), являющейся одной из основных в языковой картине мира любого народа, а также расширяет представления о современной этнонимии, активно исследуемой в настоящее время русскими (Г. Ф. Ковалев, В. И. Супрун и др.) и зарубежными (Л. Дашевич и др.) лингвистами [10; 11; 12; 13; 14]. Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов

исследования в лексикографической практике, а также в методических целях.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили прозаические тексты уральских и сибирских писателей Еремея Айпина, Алексея Иванова, Пантелеймона Чейметова.

В качестве основного метода исследования послужил метод научного описания, в рамках которого использованы приёмы сплошной выборки, обобщения, классификации, систематизации и интерпретации материала, контекстуального анализа, а также приём компонентного анализа семантики с целью выявления оценочных и культурно маркированных коннотаций.

Результаты

В региональной литературе по-разному представлены образы финно-угорских народов. Покажем это на примере текстов национальных и русских авторов.

Уральский писатель Алексей Иванов, по историческим романам которого в последнее время снят уже не один художественный фильм, постоянно обращается к описанию манси. О том, что этноним, называющий данный финно-угорский народ, является одним из ключевых понятий авторской картины мира, мы уже писали в работе «Этноним «вогуль» в исторической прозе А. Иванова» [8]. Рассмотрим, какие компоненты образа манси можно выделить в текстах данного автора, а также в исторической прозе его земляка, Михаила Строганова.

Первое, на что обращают внимание писатели, – особенности вероисповедания. При этом А. Иванов стремится к документальной точности, часто отсылая читателя к текстам летописей или научным сочинениям разного времени: «За пристанью Каменка караваны обходили боец Каменский, а в районе нижнего села – боец Шайтан. Возможно, он был назван так за своё коварство, а возможно, что по причине, указанной академиком Палласом: «понеже тамо вогульцы идолопоклонствовали и идола их от россиян общим наречием шайтан назывались» [5, 12].

Подчёркивая противопоставление «русские люди – люди реки, финно-угорские племена

– люди лесов», авторы передают ощущения героев, оказывающихся в определённой, «своей» или «чужой», среде: «Осташа шагал по узкой тропке в вогульском лесу, но ему совсем не было страшно» [4, 75]; «Для покоя ночного сей островок выбрал: голодный медведь не потревожит, да и вогулец реки не жалуется, в воду лишний раз не сунется» [4, 161].

В образе русских героев писатели отмечают черты, свойственные манси, что также отражает оппозицию «свой – чужой», являющуюся одной из основных в языковой картине мира любого народа: «Волосы её были по-вогульски подняты на макушку и стянуты в хвост» [3, 107]; «Сел в солому над Осташей, как вогульский болванчик, и тихо бормотал» [4, 280]. Именно на этой оппозиции часто строятся используемые авторами сравнения: «Очнулся – ночь кругом, и созвездия над бором-беломошником, как вогульские грозные городища» [3, 181]; «Вогульская деревня казалась пасекой – чумы торчали словно борти, накрытые на зиму колпаками из сена» [4, 358]. Не случайно в связи с этим все вогульское характеризуется как «злое»: «Над землёй пылали злые вогульские звезды» [3, 46]; «Разве что злая мансийская ведьма Таньварпеква заглядывала сюда» [3, 11]; «Злая мансийская сила, наплавившая из-за каменных гор, вновь навалилась на него, стиснула сердце» [4, 498].

Сопоставление характера и поведения представителей мансийского и русского этноса можно наблюдать в рассказе основоположника мансийской литературы Пантелеймона Чейметова (1913–1947) «Два охотника». Один из героев этого рассказа Трофим, старший охотник, манси по национальности, «недолюбливал русских. В царское время бедняк манси не раз ссорился с торговцами, которые надували его. С тех пор он как-то с недоверием смотрел на русских» [9, 479].

Автор рассказа также показывает читателям разное отношение манси и русских к лесу, тайге. Для манси это родная стихия, для русских – непроходимые дебри: «Устал не устал, а в темноте трудно идти. Прутья замёрзли. Хватают по лицу так, что слезы из глаз, – поневоле заплачешь. Цепляются за одежду, на ниточки разрывают. Перех, валежник, темень... черт знает, как это ходят люди в тайге?» [9, 481].

Но самое главное отличие двух героев сказа – разные представления о жизни, о мире. Мансийский культ медведя вызывает удивление и непонимание у русского охотника: «– Ну, натворил ты беды. Зачем отрезал медвежьи уши? – с этими словами старик соскочил с места, распахнул дверь и вышел. Скоро он воротился с куском лиственницы, достал нож и стал делать лук и стрелы. Василий ждал молча и наблюдал за ним. Трофим кончил свою работу и положил лук и стрелы вместе с медвежьими ушами на полку в переднем углу. Затем встал на колени и принялся бормотать вполголоса: медведушка, голубчик, я тебе не делал никакого зла, охотился всегда только со стрелами и луком. Мы, манси, не умеем делать пуль, не имеем ружей. Выдумали их русские и продают нам, манси. Теперь мы тоже ходим с железными ружьями, но не забываем и лука со стрелой. Со стрелами и луком мы молимся о тебе. Великий медведушка, не введи меня в беду. Я не делал тебе зла. Это все русские. Они выдумали железные ружья, они надумали убивать тебя ими. Великий медведушка, не делай мне зла, не бери у меня счастья. Я жить хочу... Услышав эти слова, Василий не выдержал, засмеялся» [9, 490].

Конфликт природы и цивилизации, сложившихся устоев жизни ханты и пришедших на территорию Югры новых законов добытчиков нефти и газа не может не волновать хантыйского писателя Еремея Даниловича Айпина. Герой его романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Демьян, прислушиваясь к звукам тайги, замечает: «На нижнем севере – так ханты называют запад – пока тишина. И там есть люди, которые делают железную дорогу. Тихо и на востоке, где восходит Звезда Утренней Зари. Там живут люди, делающие чёрную трубу, по которой побежит горючий жир таёжной земли – нефть» [1, 13]. Чувства героя противоречивы: «Сколько лет тут жил, жил и был уверен, что, кроме зверя и птицы, ничего нет на этой земле. А теперь, как сказывают знающие люди, большое и очень нужное богатство открыли – нефть и газ. И все это на его земле... И, что ни говори, приятно слышать такое о своей земле. Приятно, но одновременно и... тревожно» [1, 24]. Опасения Демьяна понятны: «Сказывают, будто сами же искатели и добытчики нефти бахвалятся, что на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого не оставляют» [1, 42].

А тревожиться ханты есть о чем. Веками сложились на этой земле быт и традиционные занятия данного этноса. Яркую репрезентацию в тексте романа получают промыслы жителей Сибири, например, ловля песка: «Демьян в последний раз начал перебирать свою добычу за первую половину зимы. Не спеша, любясь высоким чистым мехом, встряхивал песцовые шкурки. И невольно, перебирая пушнину, он вспоминал, какого зверя где и как взял» [1, 14].

Описания внешнего вида персонажей романа логично включают в себя описания национальной одежды и обуви: «Тебе уже новую малицу надо делать (малица – глухая мужская одежда мехом внутрь). И девочкам нашим надо саки хотя бы обновить (сак – женская меховая шуба мехом внутрь)» [1, 17]; «Выпив чай, Демьян надел расшитые узорами выходные кисы и большую малицу. Подпоясался кожаным ремнём с ножнами на левом и меховым кisetом-подсумком на правом боку» [1, 21].

Национальные черты характера обусловлены не только условиями жизни в суровых условиях севера, но и спецификой занятий, например, охотой: «В тайге у охотника ни карт, ни записных книжек. Все должно быть в голове» [1, 30]. Однако для настоящего охотника важно не только самому уметь выжить в тайге, но и научить этому своих детей: «Дед Пётр ещё в молодости начал плести такие арканы, а вот сына не научил этому делу» [1, 67].

Бытовые детали, такие, как описание национальной утвари, выполняют, как и другие этнографические реалии, функцию реально-исторической достоверности: «Вздыхнув, она взяла с полки куженьку – небольшую коробку из бересты – и начала собирать гостинцы сыновьям» [1, 17].

Особенно интересным компонентом национальной идентичности, отражённым в тексте романа, являются верования народа ханты. Многочисленные приметы, которым следуют герои произведения, свидетельствуют о сохранении сферы сакрального, уважении к традициям предков: «А когда уезжать станешь, сыновей наших Юванко малого да Микуля старшенького не целуй, – наставляла жена. – На уме у них плохо станет, после плакать будут» [1, 18]. Приметы определяют поступки героев, с ними связаны прогнозы на будущее, планирование тех или иных хозяйственных дел:

«Демьян вспомнил примету: если орлан подарит человеку рыбу – тому будет удача» [1, 50]; «А под Звездой – ломкая рябиново-красная полоска зари. Тихий морозный день будет, отметил Демьян» [1, 19].

Одним из компонентов этнического образа ханты является репрезентация их отношения к оленям. Жители тайги не только знают любимые лакомства этих прирученных ими животных, но и узнают их настроение даже по следам копыт на снегу: «Поджаренные чебаки и сухие рыбы кости – это первое лакомство. Хозяйка высыпала несколько горстей на снег, а своей любимице Пеструхе, ветвисторогой важенке с белыми пятнами по бокам, разрешила есть прямо из мешочка» [1, 19]; «Копыта раздвоенные – это при быстрой езде. Когда олень спокойно идёт, то его копыта почти не расходятся» [1, 57].

Главная черта хантыйского мировосприятия – очеловечивание природы, единство человека с ней – отражена автором в размышлениях главного героя: «Песня все ехала вместе с ним. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. То она замедлялась, и он едва улавливал её затихающую мелодию. То она набирала темп, набирала силу и звучала как бесконечная симфония Вселенной. И эта симфония пронизывала и связывала в одно целое все, что было на земле и за пределами земли. А он становился частью этой симфонии, неприметной скрипкой – наркасюхом, что вела свою партию» [1, 23].

Находят репрезентацию в тексте особенно родственных связей хантыйского этноса. Сам являясь, как он говорит в своих интервью, человеком из рода медведя, писатель, сделавший прототипом главного героя своего романа родного отца, говорит о нём: «Помимо кровной родни из своего рода, ему, как и всякому ханты, приходились родственниками, братьями и сёстрами, дядьями и тётушками все люди рода Медведя, будь то ханты, манси, ненцы или русские» [1, 29]. Для человека важно ощущать связь не только с ныне живущими, но и со своими предками, которым он обязан своим существованием на этой земле, со своими потомками, которым он передаст собственный опыт и знания: «У человека много кровных родственников в прошлом и будущем, размышлял Демьян» [1, 35]. И это ощущение родства с другими людьми помогает герою, как и автору романа, идти по жизни, думая о том, как быть

полезным и нужным окружающим: «Поэтому и жить надо по-родственному, понимать надо друг друга» [1, 32]. С гордостью говоря о своей принадлежности к хантыйскому этносу, герой произведения знает его историю и связи с другими народами и культурами.

Другой взгляд на ханты, «взгляд со стороны», отражён в романе Алексея Иванова «Тобол». Хантыйские мифы настолько незаметно вплетены в текст романа, что он немислим без этой составляющей, иначе образ Сибири в романе был бы блеклым и неполным: «Ей теперь тоже было с кем говорить. Нахрач принёс ей настоящий огонь – не тот, который соскакивает с кремня, чтобы согреть человека в пути и затем умереть, а родовой огонь из священного очага. В этом огне жила маленькая весёлая женщина Сорни-Най в красном платье. Когда-то она была дочерью бога Торума, хозяина неба. Некий молодой охотник полюбил её, превратился в ласточку и похитил у Торума, бог только успел метнуть вслед похитителю молнию, которая надвое рассекла ласточкин хвост. А Сорни-Най с тех пор жила у людей на земле» [6, 58].

Писатель показывает удачные и неудачные попытки крещения остяков, процесс освоения ими языка и культуры пришедших сюда русских: «Возле села Самаровский Ям Иртыш впадал в Обь, и тут Филофей ходил на языческие капища Белогорья, укрытые в дебрях чугаса – остяцкого божелесья» [6, 192]; «Владыка требовал от воеводы снарядить гишпедицию на Обь, чтобы крестить инородцев – воевода дал дырявую посудину с драным парусом, и березовские остяки только посмеялись над попами-нищевродами» [6, 78]. «Айкони не понимала, о чем сейчас без слов договаривались эти сильные мужчины, да она почти и не разбирала русскую речь» [6, 57]; «У Ремезовых была работница – остячка Пеуди. Поначалу и говорить по-русски не умела, а затем ничего, освоилась» [6, 126].

На протяжении всего текста романа ханты показаны простодушными и даже немного наивными, беспрекословно подчиняющимися воле своих богов и не ждущими подвоха от других людей. Однако на примере остячки Айкони автор показывает нам способность их к любви и самопожертвованию, несгибаемую волю в разных жизненных ситуациях.

Обсуждение и заключение

Таким образом, сопоставление этнических образов ханты и манси в национальной и русской литературе Югры показывает, что «взгляд изнутри» и «взгляд со стороны» создают в сознании читателя цельный образ коренных жителей данной местности, отражающий особенности внешнего вида представителей данных этносов, их традиции и обычаи, отношение к природе, религиозные представления, определённые черты характера и поведения. Во

всех анализируемых текстах отражена близость ханты и манси к природе, их выносливость, терпение, доброта, вера в силы природы и умение выживать даже в самых тяжёлых условиях. Однако в текстах исторических романов русских писателей более явно ощущается стремление авторов не только показать особенности быта и культуры ханты и манси, но прежде всего – отразить оппозицию «свое – чужое», отразить различия представителей русского и обско-угорских народов в религиозных обрядах, отношении к природе, мировосприятию в целом.

Список источников и литературы

1. Айпин Е. Д. Собрание сочинений в 4-х т. СПб.: Амфора, 2014. Т. 2. 383 с.
2. Динисламова С. С. Образ народа в творчестве Ювана Шесталова // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 31–37.
3. Иванов А. Чердынь – княгиня гор. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 348 с.
4. Иванов А. Золото бунта. М.: Азбука-классика, 2005. 542 с.
5. Иванов А. Message: Чусовая. М.: Азбука-классика, 2007. 488 с.
6. Иванов А. В. Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 702 с.
7. Сироткина Т. А. Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края): автореф. ... док. филол. наук. Волгоград, 2012. 24 с.
8. Сироткина Т. А. Этноним «вогулы» в исторической прозе А. Иванова // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 463–470.
9. Чейметов П. К. Два охотника: рассказ // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. Кн. 1. С. 479–492.
10. Dacewicz L. Этнонимы в русских и польских лексикографических работах // *Studia wschodniosłowiańskie*. 2014. Т. 14. С. 165–177.
11. Dacewicz L. Etnonimy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego // *Slavia orientalis*. 2016. V LXV. № 2. Pp. 363–375.
12. Shibutani T., Kwan K. M. Ethnic stratification: A Comparative approach [reviewed by H. I. McKenzie] // *American Anthropologist*. February. 1968. Vol. 70. No. 1. Pp. 175–176.
13. Vasilyeva S. The role of old believers in the mastering of Baikal Asia // *Arctic dialogue in the global world*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. Pp. 222–224.
14. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*. L.: Sage, 1994. Pp. 42–51.

References

1. Aipin E. D. *Sobranie sochinenij v 4-h t.* [Collected Works in 4 vol.]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014. Vol. 2. 383 p. (In Russian)
2. Dinislamova S. S. *Obraz naroda v tvorcestve Yuvana Shestalova* [The image of the people in the works of Yuvan Shestalov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 2 (29), pp. 31–37. (In Russian)
3. Ivanov A. *Cherdyn' – knyaginya gor* [Cherdyn – the Princess of the Mountains]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003. 348 p. (In Russian)
4. Ivanov A. *Zoloto bunta* [The Rebellion Gold]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2005. 542 p. (In Russian)
5. Ivanov A. *Message: Chusovaya* [Message: Chusovaya]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2007. 488 p. (In Russian)
6. Ivanov A. V. *Tobol. Mnogo zvanyh: roman-peplum* [Tobol. A lot of the invited: novel-peplum]. Moscow: Izd-vo AST: Redakciya Eleny Shubinoj Publ., 2017. 702 p. (In Russian)

7. Sirotkina T. A. *Kategoriya ehtnichnosti v russkom yazyke (na materiale ehtnonimii Permskogo kraja)* [Category of ethnicity in the Russian language (on the material of ethnonymy of Perm Krai)]. Volgograd, 2012. 24 p. (In Russian)
8. Sirotkina T. A. *Etonim «voguly» v istoricheskoy proze A. Ivanova* [The ethnonym «Voguls» in the historical prose of A. Ivanov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (3), pp. 463–470. (In Russian)
9. Cheymetov P. K. *Dva ohotnika: rasskaz* [Two hunters: the story]. *Proza narodov Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii* [Prose of the peoples of the Far North and the Far East of Russia]. Moscow: Severnye prostory Publ., 2002. Book 1. pp. 479–492. (In Russian)
10. Dacewicz L. *Eptonimiy v russkih i pol'skih leksikograficheskikh rabotah* [Ethnonyms in Russian and Polish lexicographical works]. *Studia wschodniosłowiańskie*, 2014, no. 14, pp. 165–177. (In Russian)
11. Dacewicz L. *Etonimiy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego*. *Slavia orientalis*, 2016, no. LXV (2), pp. 363–375. (In Polish)
12. Shibutani T., Kwan K. M. *Ethnic stratification: A Comparative approach* [reviewed by H. I. McKenzie]. *American Anthropologist*, 1968, no. 70 (1), pp. 175–176. (In English)
13. Vasilyeva S. *The role of old believers in the mastering of Baikal Asia*. *Arctic dialogue in the global world*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. pp. 222–224. (In English)
14. Wallerstein I. *Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System*. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*. L.: Sage, 1994. pp. 42–51. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ганущак Николай Васильевич, заведующий кафедрой филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (627417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0002-2914-7503

ganuschack@yandex.ru

Сироткина Татьяна Александровна, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (628417, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2), доктор филологических наук.

ORCID ID: 0000-0003-3494-0968

sirotkina71@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Ganushchak Nikolay Vasilyevich, Head of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (627417, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-2914-7503

ganuschack@yandex.ru

Sirotkina Tatyana Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Philology Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (628406, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2), Doctor of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0003-3494-0968

sirotkina71@mail.ru